

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 130.2

DOI: 10.34130/2233-1277-2020-4-11

Л. А. Клюкина

Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск, Российская Федерация

Концепции автокоммуникации в гуманитарном знании XX века: сравнительный анализ

Целью исследования является сравнительный анализ концепций автокоммуникации зарубежных и отечественных философов XX века, в которых предлагается новое понимание сущности автокоммуникации и особенностей ее функционирования в культуре XX века. В статье изложен философский анализ концепций зарубежных философов (Р. Барта, Ж. Деррида, Ю. Кристева) и отечественных мыслителей (М. Бахтина, М. Мамардашвили). Концепции вышеназванных философов XX века сравнивались по способу организации автокоммуникации, при этом учитывались априорные установки европейской и отечественной культуры. В процессе осуществления сравнительного анализа концепций автокоммуникации были получены следующие результаты. В гуманитарном знании XX века автокоммуникация понимается способом самотрансценденции. В культуре XX века автокоммуникация функционирует в виде структуры текста, имплицитно включающей в себя модель рефлексизирующего субъекта, способного помыслить данную структуру и многократно воспроизводить ее в различных интерпретациях. В зарубежной гуманитарной науке данная модель понимается в виде саморефлексирующегося письма (Р. Барт, Ж. Деррида), «расщепленного субъекта» (Ю. Кристева), формы взаимообщения «Я» и «Другого», в ходе

которого показывается развертывание человеческого бытия в культуре. В отечественной гуманитарной традиции оформляется представление об автокоммуникации как о бесконечном процессе становления целостной человеческой личности (М. Бахтин), в ходе которого выявляется мера и степень присутствия «Я» в «Другом» (М. Мамардашвили). Результаты сравнительного анализа концепций автокоммуникации, проведенного в данной работе, могут использоваться в качестве теоретической основы при построении междисциплинарного дискурса между философией и литературой.

Ключевые слова: автокоммуникация, автор, диалог, дискурс, полифонический роман, расщепленный субъект, саморефлексирующееся письмо.

L. A. Klyukina

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation

The Concepts of Autocommunication in Humanities Knowledge of the 20th Century: Comparative Analysis

The purpose of this research is a comparative study of concepts of autocommunication developed by foreign and Russian philosophers in the 20th century, which offer new interpretations of autocommunication and distinctive characteristics of its function in the 20th century culture. This article contains the philosophical analysis of concepts of both foreign philosophers (R. Barthes, J. Derrida, Y. Kristeva) and Soviet and Russian thinkers (M. Bakhtin, M. Mamardashvili). The concepts of the aforementioned authors of the 20th century were studied by comparing their methods of organization of autocommunication with regard for given settings of European and Russian cultures. The comparative analysis of the concepts of autocommunication produced the following results. In the Humanities of the 20th century, autocommunication is seen as a means of self-transcendence. In the 20th century culture, autocommunication functions as a text structure that implicitly includes the model of self-conscious person able to reflect on that structure and replicate it in a number of various interpretations. In foreign Human science this model is interpreted as self-reflecting writing (R. Barthes, J. Derrida) as well as 'splintered subject' (Y. Kristeva), the form of interaction between 'Ego' and 'Other' which demonstrates the unfolding of human existence in culture. In Russian human science tradition, autocommunication is understood as an ever continuous process of shaping the whole human personality (M. M. Bakhtin), in the process of which the measure and extend of presence of 'Ego' in 'Other' is being defined (M. K. Mamardashvili). The results of the comparative analysis of the concepts of autocommunication produced by this article can serve as theoretical ground for shaping interdisciplinary discourse between philosophy and literature.

Keywords: *autocommunication, author, dialogue, discourse, polyphonic novel, splintered subject, self-conscious writing.*

Введение. Впервые термин «автокоммуникация» при описании механизма смыслополагания в культуре употребил Юрий Михайлович Лотман. Под автокоммуникацией в системе культуры он понимает ситуацию, когда адресант и адресат совпадают, когда автор посылает сообщение себе не с целью запоминания уже известной ему информации, а с целью уяснить свое внутреннее состояние, которое вне коммуникации с самим собой понять не удастся [1, с. 24–25]. В процессе автокоммуникации под воздействием внешних объектов (музыкальный ритм, геометрические узоры, повторяющиеся формальные структуры) в первоначальный код встраивается другой добавочный код, в результате чего исходное сообщение трансформируется и появляется новый смысл. Культуры, настроенные на автокоммуникацию, с точки зрения Лотмана, более способствуют духовному развитию личности, так как обучают человека практике самопознания [1, с. 45]. Во второй половине XX века произошли изменения в построении опыта коммуникации, которые были осмыслены представителями философии постструктурализма и отечественными мыслителями М. Бахтиным и М. Мамардашвили. Исследование концепций автокоммуникации XX века представляется актуальным, так как проясняет опыт самосознания/самопонимания культуры XX века. **Целью** статьи является сравнительный анализ концепций автокоммуникации зарубежных и отечественных философов XX века, в которых предлагается новое понимание сущности автокоммуникации и особенностей ее функционирования в культуре XX века. В качестве критерия сравнения рассматривался способ организации автокоммуникации в культуре. Такой компаративный анализ осуществляется впервые. Для достижения цели использовались **методы исследования:** философский анализ концепций автокоммуникации Р. Барта, Ж. Деррида, Ю. Кристевой, М. Бахтина, М. Мамардашвили; сравнительный анализ взглядов зарубежных и отечественных мыслителей на данную проблему.

Теоретическая база исследования. Особую значимость при изучении текстов зарубежных философов имели труды Н. С. Автономовой [2; 3], П. Бенуа [4], Д. М. Соболева [5], которые провели кри-

тическое исследование их концепций. В ходе исследования использовался анализ стиля мышления М. Мамардашвили, Л. А. Ключиной [6], В. А. Подороги [7], Д. Г. Рындина [8].

Результаты исследования. Ролан Барт обратил внимание на трансформацию способа организации автокоммуникации в массовом обществе. Хотя в ходе осуществления автокоммуникации адресатом послания остается адресант, сама передача послания осуществляется посредством текста, статус которого существенным образом меняется. В понятии «текст» Барт рассматривает любое знаковое образование, саму культуру. Текст отличается от произведения тем, что произведение замкнуто, границы текста остаются открытыми. Произведение выражает явное или тайное означаемое. Текст, напротив, является полем игры означающих [9, с. 416]. Логика текста – это логика игры смысла, нацеленная на освобождение символической энергии, без которой человек умер бы [9, с. 417]. Текст, по Барту, подобно языку является структурой без центра. Его можно читать, но невозможно интерпретировать и изучать по причине отсутствия адекватной «грамматики». Текст существует только в момент чтения текста, поэтому он уникален. Так как текст есть взаимопереход, взаимоперетекание смыслов, то он понимается как интертекстуальность, поэтому его уникальность множественна [9, с. 416–418]. Способ существования современного текста, по Барту, исключает позицию автора как субъекта, существующего до текста и воплощающего в тексте свой замысел [9, с. 387]. Текст превращается в «означающее без означаемого», что именуется Бартом перформативом, высказыванием, содержанием которого является оно само. Текст становится «саморефлексирующим письмом», внутренней сущностью которого является «готовый словарь, где слова лишь объясняются с помощью других слов, и так до бесконечности» [9, с. 388–389]. Автор выполняет роль скриптора, фиксирующего письмо, а не свои настроения и переживания [9, с. 389]. Письмо, функционирующее в форме знака, обретает единство и целостность в своем предназначении, в адресате, каковым является анонимный читатель [9, с. 390].

Новое представление об эволюции авторской функции предложил Жак Деррида. Текст, по Деррида, является неоднородным образованием, состоящим из различных уровней, сложно взаимодействующих друг с другом, в результате чего текст выходит за соб-

ственные границы, искажая замысел автора. Деррида подвергает критике представление классической метафизики о структуре текста как о системе значений, организованных вокруг смыслового «центра». Под «центром» в классической метафизике понимается первоначальный смысл, который Деррида мыслил в понятии «бытия как наличия (presence) во всех смыслах слова» [10, с. 49]. Как замечает Деррида, в традиционной метафизике центр не только организовывал структуру, но и ограничивал игру элементов структуры внутри целостности ее формы. «Центр всегда считался, по определению, тем самым элементом структуры, который, руководя ею, сам не структурирован» [10, с. 48]. «Центр есть точка, в которой подмена содержания, элементов, терминов делается невозможной» [10, с. 48]. Поэтому в классической философии центр структуры парадоксально мыслился и внутри, и вне структуры, постулировалась возможность исследования истории смысла, реконструировалось начало его порождения и предсказывались его дальнейшие трансформации исходя из анализа форм присутствия смысла в настоящем. Однако в конце XIX – начале XX в. были созданы дискурсы, в рамках которых началось осознание структурности структуры, что Деррида называет децентрацией. Речь идет о критике метафизики Ницше, критике сознания Фрейда, критике онтоотеологии Хайдеггера. Эти мыслители занимались осмыслением процесса обозначения, в ходе которого осуществляются замещения в центре. Они стали полагать центр несуществующим, так как замещающий элемент никогда не замещался в метафизической мысли ранее существующим элементом [10, с. 50]. Поэтому, констатирует Деррида, необходимо считать «центр не в виде определенного места, а в виде функции, центр как не-место (nonlocus), где идет бесконечная игра бесчисленных замещений знаков» [10, с. 49]. Отказ от трансцендентного обозначаемого поставил под вопрос само понятие «знак». Но это сделать, по мнению мыслителя, невозможно, так как «знак всегда понимался как “знак чего-либо”, как обозначающее некоего обозначаемого» [10, с. 51]. Сама критика метафизики невозможна без использования метафизических понятий. Поэтому Деррида утверждает, что «критерием качества и плодотворности дискурса, возможно, является строгость критики истории метафизики и унаследованных от нее понятий» [10, с. 53]. Следствием исчезновения центра становится исчезновение субъекта и автора, что является про-

блемой для философии. Выход Деррида видит не в отказе от традиционной философии, не в построении философии с нуля, «а в том, чтобы продолжать читать философов особым образом» [10, с. 61]. Деррида предлагает посмотреть на проблему децентрации структуры с точки зрения концепции игры означающих. С целью исследовать язык метафизики в рамках построения философских дискурсов Деррида разрабатывает подход, который он называет деконструкцией. Сама природа этого языка исключает полноту, в нем отсутствует центр, который сдерживал бы игру замещений. Центр теоретически не определяется, так как знак, замещающий центр, «прибавляется, он есть добавка, восполнение» [10, с. 63]. Восполнение у Деррида означает и прибавку (дополнительный смысл), и возмещение нехватки (само условие смыслообразования, остающееся неопределимым). Деррида акцентирует мысль Леви-Стросса об «избыточности означающего по отношению к означаемому» [10, с. 63]. Человек, по Леви-Строссу, всегда обладает избытком значений, «который он распределяет между вещами согласно законам символического мышления» [10, с. 64]. При распределении избыточного смысла необходимо сохранение отношений дополнительности между наличным означающим и искомым означающим путем введения символов с нулевым значением, выполняющим функцию «служить оппозицией отсутствию значения, не неся в себе никакого значения» [10, с. 65]. Эти взаимоотношения между наличием и отсутствием Деррида мыслит в концепции игры. Хотя Леви-Стросс, с точки зрения Деррида, осветил эту игру в своих работах, но ему свойственна та же ностальгия по самотождественности, первоначально, по архаичной и естественной невинности, что и у Руссо [10, с. 67]. Другим пониманием концепции игры, по Деррида, является концепция свободной игры означающих Ницше. Рассматривая мир как мир становления, Ницше провозглашает игру без проигрыша. Ницше абсолютизирует случай, когда «утверждение отдается во власть генетической неопределенности, изначальной авантюры преследования» [10, с. 67]. Утверждая свободную игру означающих, Ницше выходит за пределы человека и гуманизма, стремясь к полному осуществлению сверхчеловека. Деррида полагал, что «само бытие должно быть представлено как наличие или отсутствие на основе возможности игры» [10, с. 67], снимающей оппозицию между центрацией и бесконечной игрой знаков. Сам Деррида считает,

что оба эти истолкования игры значений хотя и являются непримиримыми, но одинаково востребованы в современном гуманитарном знании. В связи с этим актуальной задачей является построение дискурса, в рамках которого становится возможным мышление об общей почве различания (*differance*) этих двух концепций игры [10, с. 68]. Термин «различание» Деррида вводит, чтобы избавиться от мышления в терминах наличности, чтобы показать, что природа человека такова, что отрицает любую идею архе в принципе. Это двойное различание: «как промедленность в сравнении с животными реакциями и как отсроченность смыслов в общем – сложном и опосредованном – процессе означения» [2, с. 23]. Различание обозначает отсроченность обозначения смысла во времени и разбивку на замещающий знак и замещаемый в пространстве. Различание есть условие означивания. Настоящее, по Деррида, должно быть отделено от того, что не есть оно промежутком, но этот «промежуток должен тем же махом делить настоящее в самом себе, разделяя также вместе с настоящим и все, что можно мыслить, исходя из него, то есть на нашем метафизическом языке, любое сущее, в особенности – субстанцию или субъект» [11, с. 388]. Этот динамический промежуток он называет пространством становлением временем и время становлением пространства [11, с. 388]. Само слово «*differance*» Деррида сопоставляет с греческим средним залогом. «Греческий средний залог <...> это не активность, обращенная на другого, и не пассивность, претерпеваемая от другого, но активность, обращенная на себя, и пассивность, претерпеваемая от себя» [2, с. 24]. Различание не имеет ничего общего с первоначалом метафизики или чего-то другого, оно обозначает механизм артикуляции любых содержаний сознания и психики. Поэтому нельзя зафиксировать различание в виде оппозиций, оно есть условие конституирования самих оппозиций, а также ситуации, когда какая-то бинария оппозиции противопоставляется другой и усиливается, подавляя другую. Однако это условие стирается в процессе замещения одного знака другим, оставаясь следом, отсылающим к протоследу. В современной культуре различание является недостижимой целью, к которой стремится дискурс, в границах которого осуществляется критика языка. Формой такой критики является бриколаж. Под бриколажем понимается техника построения дискурса путем использования инструментария различного происхождения. Автор в современной

культуре превращается в бриколёра. В процессе деконструкции бриколёр тоже ставится под вопрос, поскольку ставятся под вопрос субъект и его самосознание как самоидентичность, самоприсутствие [10, с. 56–57]. Субъект превращается в «функцию» языка, «становится говорящим субъектом, только сообразуя свою речь <...> с системой языковых предписаний как системой различений, или, по крайней мере, с общим законом различания, беря при этом пример с принципа языка, который, как говорит Соссюр, есть “речевая деятельность минус речь”» [11, с. 390]. Деконструкция как критика языка метафизики приводит к инверсии метафизического понятия, превращая его обозначаемое (присутствующее) в знак знака, след следа. Все оппозиции метафизики по сути дела отсылают к одной первичной оппозиции, точнее к ее следу. Речь идет о различии природы и культуры, где культура всегда выступает как отложенная и различающаяся природа, «фюсис в различии» [11, с. 392]. В результате критики языка метафизики текст трансформируется в письмо, содержащее картографию игры сознания и бессознательного, речи и языка.

Автокоммуникация как игра бессознательного и сознания стала предметом исследований Юлии Кристевы. С точки зрения Кристевы, русский мыслитель Михаил Михайлович Бахтин первым осмыслил дискурс как способ означивания в идеологическом контексте советской культуры, хотя понятия «дискурс» тогда не существовало. Кристиева считает, что большой интерес представляет работа Бахтина «Проблемы творчества Достоевского» (1929 г.), в которой Бахтин демонстрирует применение новой методологии к исследованию романного текста. Бахтин, с ее точки зрения, отрицает идею какой бы то ни было репрезентации в структуре романа. Бахтин утверждает, что в пространстве романа субъект осуществляет себя в «слове». Понятие «слово» Бахтина, по мнению Кристевы, близко к современному понятию «дискурс», имеющему значение «высказывание-процесс/высказывание-результат» [12, с. 20]. «Бахтинское слово-дискурс как бы распределено между различными дискурсивными инстанциями, которые множественное “я” способно заполнять *одновременно*. Будучи поначалу *диалогическим* в той мере, в какой мы слышим в нем голос *другого*, адресата, такое слово становится затем глубоко *полифоническим*, коль скоро в конце концов в нем начинают слышаться голоса сразу нескольких дис-

курсных инстанций» [12, с. 20]. Крестева отмечает, что в исследованиях Бахтина пространства романов Достоевского субъект конституируется как «расщепленный», а не в форме «единства сознания». Это происходит потому, что субъект конституируется через свое отношение к «другому», а затем в результате этого взаимодействия «становится “другим” по отношению к самому себе, обретая тем самым множественность, неуловимость, полифоничность» [12, с. 20]. В пространстве романов Достоевского топология субъекта формируется как многоголосие дискурсов: дискурса «я» и дискурса «я» как «другого», дискурса по поводу дискурса «я» как «другого» и т. д. Данную ситуацию Бахтин именуется понятием «диалог». Сам Бахтин утверждал, что «внутреннего человека» нельзя изучать ни как объект научного анализа, ни посредством эмпатии, а только общаясь с ним диалогически [13, с. 150]. Согласно Бахтину, Достоевский как бы расщепляет самосознание героя, вкладывая мысли, в которых герой не отваживается признаться самому себе, в уста других героев, ведущих диалог с ним. Достоевский стремится показать жизнь самосознания в виде бесконечного диалога с самой собой как с «другим», не желающим обладать последним, так как это подобно смерти, но желающим общаться с ним, так как это есть условие человеческой жизни. Речь идет о бесконечном диалоге сознания и бессознательного [13, с. 150–159]. Крестева считает, что хотя Бахтин не использует понятие «бессознательное» Фрейда, но именно в работах Бахтина впервые формулируется проблема понимания смысла, конституируемого субъектом желающим. Так как в основе дискурса лежит бесконечное желание, то противоположности не могут быть сняты в виде «третьей позиции» в ходе диалога. Поэтому для описания диалога Бахтина подходит не гегелевская логика, а логика сна Фрейда [12, с. 22]. Вместе с тем Крестева отмечает, что «“логика сна” устанавливается Бахтиным на уровне *означаемых* и ни в коем случае не на уровне *означающего*» [12, с. 22], как у Фрейда. Это связано с тем, что Бахтина интересует не текст как единое целое, которому присуща какая-то логика, какой-то конкретный смысл, но «межтекстовое» пространство как область взаимодействия дискурсов, «где расщепляется и рассеивается не только говорящий, но и слушающий субъект, т. е. мы сами, а именно то “единство”, которое Бахтин именуется “человеком”, но которое, по его собственным словам, восстает против всякого овнешняюще-

го определения, потому что “человек никогда не совпадает с самим собой”» [12, с. 21]. Таким образом, в романах Достоевского нет ни устойчивого смысла, ни устойчивого субъекта-автора, ни адресата-читателя. Чтобы показать это, Бахтин, по мнению Кристевой, использует христианскую лексику «слово», «голос», «сознание» [12, с. 22]. Топология субъекта в пространстве романа также складывается из отношения расщепленного субъекта к означиванию, которое необходимо, чтобы заявить о себе, и которое одновременно мешает процессу становления субъекта. Поэтому логика сна оказывается более подходящей, чтобы выразить все «фантастическое», «онирическое», «сексуальное» [12, с. 23]. Неоднозначность высказывания, выражающая неоднозначность смысла, приводит к разрушению идеологической тождественности высказываний и текста в целом. Это означает, что в полифоническом романе сталкиваются различные идеологии, выражаемые различными дискурсами, при этом ни одна из идеологий не является доминирующей. Идеологии в романах Достоевского, по Бахтину, выполняют роль речевых инстанций, высказывающих различные точки зрения. Полифонический «текст завладевает идеологиями и, сталкивая различные говорящие “я” или тексты, позволяет им увидеть их собственный бессознательный субстрат» [12, с. 28]. В полифоническом тексте Бахтина Кристева обнаруживает «формообразующую» идеологию, конституирующуюся из многоголосия идеологий как условие формообразования и понимания текста. Однако это идеология не в полном смысле слова, так как текст, не имеющий субъекта, автора, не имеет идеологии. В этом смысле Достоевского, по ее мнению, можно назвать скриптором, а не автором. Суть формообразующей идеологии заключается в свободе от всех идеологий [12, с. 28]. Кристева особо отмечает, что в творчестве Достоевского Бахтин усмотрел древнюю традицию, оппозиционную теологическому дискурсу, представленную в мениппейной и карнавальной культуре [12, с. 24]. Вместе с тем Кристева обращает внимание, что концепции диалогизма и полифонии Бахтина способствуют пониманию современной, прежде всего французской, литературы [12, с. 30]. Именно Бахтин стал первым говорить о новом принципе текстообразования, связанном с карнавальной традицией. После сексуальной революции Фрейда предметом современного литературного текста как раз и «оказывается субъект в его отношении к языку и к сексу,

а значит, к идеологии и к социальной системе: все дальше и дальше углубляется этот текст в “полифонический” <...> лабиринт» [12, с. 30]. Именно современная полифоническая литература, по мнению исследователя, в большей степени выражает возможности автокоммуникации, нежели философский текст, имплицитно содержащий какую-то идеологию. К современным полифоническим романам Кристева относит произведения Джойса, Пруста, Кафки. Современный полифонический роман, с ее точки зрения, «становится имманентным самому языку (Пруст, Кафка)» [14, с. 222]. Речь идет о структуре карнавального языка, «где символические отношения и принцип аналогии преобладают над субстанциально-каузальными отношениями» [14, с. 223]. Язык карнавала – «это означающее, являющееся означаемым» [14, с. 230], это «язык» бессознательного. Язык карнавала состоит из оппозиций, обнаруживающих и скрывающих бессознательное – секс, смерть. В пространстве же романа сталкиваются два текста, которые условно называются Кристевой монологическим и диалогическим дискурсами [14, с. 228–229], отражающими соответственно закон и революцию. Между этими дискурсами в пространстве романа устанавливаются амбивалентные отношения, в рамках которых эти дискурсы сосуществуют, образуя интертекстуальность. В структуре полифонического романа «собеседником писателя оказывается сам писатель постольку, поскольку он выступает в роли читателя некоего другого текста. Пишущий и читающий – это одно и то же лицо. Поскольку же его собеседником является некий текст, который, сам себя переписывая, себя же и перечитывает» [14, с. 240]. Автор в такой ситуации нигилируется, превращается в анонима, показывая саму процедуру означивания как способ написания письма в форме бесконечного диалога двух дискурсов. Вместе с тем семиотическое переосмысление работ Бахтина, предложенное Кристевой, стало использоваться при осмыслении других проблем культуры.

Проблему автокоммуникации как проблему развертывания человеческого бытия в пространстве культуры на примере исследования романа XX века рассматривает Мераб Константинович Мамардашвили. В своей книге «Психологическая топология пути. М. Пруст “В поисках утраченного времени”» Мамардашвили исследует одноименный роман Пруста как новый жанр литературы – «роман желаний и мотивов» [15, с. 9], роман «воспитания чувств» [15,

с. 549]. Он утверждает, что книга Пруста стала частью его жизни, в том смысле, что в пространстве своего романа Пруст пытался выстроить способ понимания своей жизни, себя как существа, желающего жить и любить жизнь, кристаллизуя эту любовь на предметах, вызывающих у него различные чувства: нежности, любви, страсти, удивления, восхищения и др. Однако это не автобиографичный роман, не дублирование пережитого, но единый акт самосознания, рожденный из переживаний событий, но не оторванный от этих переживаний, а напротив, укорененный в них в виде метафор и метонимий, расшифровывая которые, Пруст снова и снова возвращается к себе, переживая момент настоящего как длительность жизни, где прошлое и будущее присутствуют в настоящем, сливаясь с ним. Так Пруст снова и снова возвращает себе утраченное время. Согласно Мамардашвили, основная задача романа Пруста – «понять, что ты есть на самом деле и каково твое действительное положение» [15, с. 19]. Речь идет о реализации себя во всей полноте своих желаний. Однако, чтобы реализовать себя, необходимо познать природу своих желаний, иначе их невозможно реализовать. Поэтому роман Пруста ничего не изображает, в нем нет именного сюжетного героя, есть герой без фамилии, нет изображения общества, все временные слои перемешаны, отсутствует последовательность событий, как в классическом романе. Такой роман всегда остается незавершенным как для писателя, так и для читателя. Начало и конец романа совпадают, но, чтобы осознать это, автору и читателю необходимо проделать путь и понять себя, свои желания, кем они хотят быть и кто они есть на самом деле. «Пруст сравнивал строение своего романа с собором; в нем всегда есть переключки одной части с другой» [15, с. 12]. Такую переключку в романе Пруста Мамардашвили называл *correspondances* – символическими соответствиями [15, с. 12]. Сам Пруст такие явления называл «запечатанные вазы» [15, с. 255]. «Запечатанные вазы» реальны, это тела желаний, которые человек открывает, когда уникально переживает какие-то события. Тело желаний – это, по Мамардашвили, пространственное расположение психологии, топология психологии. Речь идет о корреспонденции или соответствии между воспроизведением слова, жеста или воспоминания и воспроизведением или, точнее, «зановотворением» уникального смысла. Мамардашвили здесь имел в виду не какую-то программу поведения, привитую психике, но инскрипцию, свя-

занную с пониманием значимости каких-то переживаний и с сознательной техникой развертывания этих переживаний в пространстве психики посредством арторганов [15, с. 267]. Человеку требуется личное усилие, чтобы нарастить эти тела желания. Мамардашвили различает переживание события и описание этого переживания, в котором нет ничего реального. Чтобы преодолеть этот дуализм, Пруст, по его мнению, вводит понятие «тело желания». Это сознание-тело или опыт понимания своего желания, который конституируется вместе с желанием. Эти тела формируются в культуре посредством символов – «форм, для опыта, посредством чего впервые реализуются наши силы, в том числе в переживании, в чувствах, в ощущениях» [15, с. 543]. В результате распечатывания ваз собирается человеческое существо, которое может быть при условии самоличного присутствия в реальности, в котором реализуется полностью индивидуальный смысл. У Мамардашвили это означает «включение самого себя в содержание и переосознание содержания на самом себе» [15, с. 550]. Мамардашвили считает, что этот опыт становится возможным потому, что событие уже с нами произошло, но мы об этом забыли или упустили смысл этого события, понимания не случилось. Каждое личное усилие тогда является не воспроизведением утраченного смысла, но связано с пониманием нашего незнания, с одной стороны, и с полаганием смысла, извлеченного из символических форм, с другой. Автокоммуникация тогда у Мамардашвили понимается осознанием незнания, в процессе которого человек узнает себя как незнающего себя, обретая тем самым смысл, т. е. понимание себя. Роман Пруста и есть топология сознания, проходя по пути которой автор и читатель обретают себя. В своих «Лекциях по античной философии» Мамардашвили называет роман Пруста «производящим произведением» [16, с. 82], в котором смыслы возникают в момент написания самого произведения. В понятии «производящее произведение» Мамардашвили отразил новый способ декларации трансценденции, выраженную в новом жанре романов XX века (У. Фолкнера, Дж. Джойса, М. Пруста). Пространство романов понимается им как организация ситуации понимания смысла, а не ее объектное описание. Вместе с тем Мамардашвили утверждал, что появление смысла ничем не гарантировано. По его мнению, существенная роль в построении текстов, содержащих условия конституирования смысла, принадлежит филосо-

фии. Средствами философии можно представить «тексты сознания в виде текстов культуры, а опыт интерпретации этих текстов как опыт трансцендирования, опыт самопонимания» [6, с. 15].

Из анализа концепций мыслителей второй половины XX века становится видно, что как сама процедура автокоммуникации в культуре претерпела изменения, так и ее понимание. В культуре модерна автокоммуникация понималась «внутренним монологом», способом трансценденции. Этот феномен отражался в таких формах текстов, как исповедь и автобиография. После открытия Фрейдом бессознательного стало ясно, что язык функционирует независимо от сознания субъекта, внутренний голос был признан фикцией. Представители постмодерна Барт, Деррида, Фуко описали механизм автокоммуникации в понятии «саморефлексирующее письмо». Они понимают знак как «след» уже произошедшего события, которое стерлось в памяти. Речь превращается в бесконечное отсылание к забытому смыслу. Поэтому в речи постепенно распадается субъект, говорящий становится нетождественным самому себе. Речь говорящего уже больше не является сообщением, но обращением к самому себе, который также является фикцией. Практику, когда в речи на место подразумеваемого смысла автоматически подставляются уже готовые значения, мыслители называют дискурсом. Дискурс, обращенный к самому себе, осмысливается в понятии саморефлексирующегося письма, показывающего картографию игры сознания и бессознательного, речи и языка. Кристева обосновала, что дискурс, обращенный к самому себе, порождает многоголосие, интертекстуальность, в пространстве которого конституируется «расщепленный субъект».

В отечественной философии в работах Бахтина наметился переход к пониманию автокоммуникации как самотрансценденции в форме «внутреннего диалога», что выразилось в его концепции полифонического романа. Автор полифонического романа присутствует только во всем пространстве произведения. Бахтин пересматривает саму идею «я», «я» у него – это взаимоотношение между я и другим, сознанием и бессознательным в виде диалога. В диалоге бессознательное становится осознанным индивидуальным бессознательным посредством дискурса, выражающего архетипы коллективного бессознательного, творчески преобразованные в интенции индивидуального сознания. Авторская функция полифони-

ческого романа заключается в построении диалогового пространства, в котором содержание и форма сливаются, образуя целостную форму произведения. Идею диалога Бахтина продолжает Мамардашвили, называя новый жанр романа «романом желаний и мотивов». Обращая внимание на то, что все языковые структуры являются «превращенными» формами сознания, Мамардашвили предлагает принципиально иное отношение к ним. Так как «превращенная» форма сознания является «следом» и хранит в себе знание, что она есть способ репрезентации смысла, а не его презентация. Осознание этого факта и есть новый смысл, меняющий личность. Отношение к «превращенной» форме сознания объясняется Мамардашвили законом рекурренции (возвращения). Рекурренция означает способность индивида многократно различать презентацию и репрезентацию смысла с целью понимания природы своих желаний. Закон рекурренции реализуется, по Мамардашвили, в особой структуре текста, называемой им «производящим произведением», выраженной в «романе желаний и мотивов». В процессе чтения романа происходит взаимодействие субъекта, становящегося в ходе процедуры означивания, и смысла, одновременно формирующегося и трансформирующегося в момент передачи сообщения.

Результаты исследования концепций автокоммуникации в зарубежной и отечественной философии и их сопоставления показывают, что вопрос о сущности и способе функционирования автокоммуникации в культуре невозможно решить в рамках научного подхода. Вопрос об отношении сознания и языка / бессознательного решается в зависимости от априорных установок культуры: предпочтения языка субъекту (европейская традиция) или укорененности сознания в бытии (отечественная традиция). Любая позиция по этому вопросу связана с экзистенциональными убеждениями исследователя. На наш взгляд, следует искать новое понимание процесса автокоммуникации в области взаимодействия философии и литературы, где формируется новая мировоззренческая и познавательная ситуация. Новое понимание процесса автокоммуникации дает новые возможности человеку в культуре. В этой связи материалы статьи могут рассматриваться теоретической базой для построения междисциплинарного дискурса между философией и литературой. Материалы статьи также могут использоваться при чтении специальных курсов по философии культуры и теории культуры.

Заключение. В статье подтверждается тезис других исследователей о том, что автокоммуникация в гуманитарном знании XX века понимается в виде структуры текста, имплицитно включающей в себя модель рефлексирующего субъекта, способного помыслить данную структуру и многократно воспроизводить ее в различных интерпретациях. В ходе сравнительного анализа концепций автокоммуникации зарубежных и отечественных философов XX века были описаны способы организации автокоммуникации в культуре. В обеих традициях способ организации автокоммуникации рассматривается способом построения отношений между «Я» и «Другим», сознанием и бессознательным. Продемонстрированы разные способы организации автокоммуникации в современной культуре: саморефлексирующееся письмо (Р. Барт, Ж. Деррида), «расщепленный субъект» (Ю. Кристева), «производящее произведение» (М. Мамардашвили). В статье обосновано представление об автокоммуникации как амбивалентности человеческого сознания, интерпретация которой определяется априорными установками культуры. Автор статьи считает целесообразным для дальнейших исследований процесса автокоммуникации построение междисциплинарного дискурса между философией и литературой, чему могут послужить материалы данной статьи.

Библиографический список

1. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
2. Автономова Н. Деррида и грамматология // Деррида Ж. О грамматологии. М.: AdMarginem, 2000. С. 7–107.
3. Автономова Н. С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках (Критический очерк концепций французского структурализма). М.: Наука, 1977. 272 с.
4. Бенуа П. Деррида. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 640 с.
5. Соболев Д. М. Пространство литературы // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 2 (3). С. 124–137. URL: <http://www.polit.ru/research/2004/07/06/podoroga.html> (дата обращения: 18.07.2020).
6. Ключкина Л. А. Философско-культурологический смысл понятия «логос» в «Лекциях по античной философии» М. К. Мамардашвили // Человек. Культура. Образование. 2018. № 4 (30). С. 6–15.

7. Подорога В. А. Проект и опыт (Г. Щедровицкий и М. Мамардашвили: сравнительный анализ стилей мышления). URL: <http://www.polit.ru/research/2004/07/06/podoroga.html> (дата обращения: 18.07.2020).
8. Рындин Д. Г. Мераб Мамардашвили: событие мысли и педагогическая практика // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 1. С. 104–118.
9. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
10. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе наук о человеке // Современная литературная теория. Антология. М.: Флинта: Наука, 2004. С. 46–68.
11. Деррида Ж. Письмо и различие. СПб.: Академический проект, 2000. 432 с.
12. Кристева Ю. Разрушение поэтики // Михаил Бахтин: pro et contra. Личность и творчество М. М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. СПб.: РХГИ, 2002. Т. II. С. 7–32.
13. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963. 234 с.
14. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // М. М. Бахтин: pro et contra. Личность и творчество М. М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. СПб.: РХГИ, 2001. Т. I. С. 213–243.
15. Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути. М. Пруст «В поисках утраченного времени». СПб.: Издательство Русского христианского гуманитарного института, 1997. 571 с.
16. Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. М.: Аграф, 1999. 320 с.

References

1. Lotman Yu. M. *Vnutri myslyashchih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside thinking worlds. Human – text – semiosphere – history]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 1996, 464 p. (In Russ.)
2. Avtonomova N. Derrida and grammatology. Derrida Zh. *O grammatologii* [About grammatology]. Moscow, Ad Marginem Publ., 2000, pp. 7–107. (In Russ.)
3. Avtonomova N. S. *Filosofskie problemy strukturnogo analiza v gumanitarnyh naukah (Kriticheskij ocherk koncepcij francuzskogo strukturalizma)* [Philosophical Problems of Structural Analysis in the Humanities (Critical Essay on the Concepts of French Structuralism)]. Moscow, Nauka Publ., 1977, 272 p. (In Russ.)
4. Benua P. *Derrida* [Derrida]. Moscow, Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS Publ., 2018, 640 p. (In Russ.)
5. Sobolev D. M. Literary space. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovania kul'tury – International Journal of Cultural Research*, 2011, no. 2 (3), pp. 124–137. Available at: <https://culturalresearch.ru/ru/archives/66-art2011> (accessed 18.07.2020) (In Russ.)

6. Klyukina L. A. Philosophical and culturological meaning of the notion 'logos' in Merab Mamardashvili's "Lectures on Ancient Philosophy". *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Human. Culture. Education], 2018, no. 4 (30), pp. 6–15. (In Russ.)
7. Podoroga V. A. *Proekt i opyt (G. Shchedrovickiji M. Mamardashvili: sravnitel'nyj analiz stilej myshleniya)* [Project and Experience (G. Shchedrovitsky and M. Mamardashvili: Comparative Analysis of Thinking Styles)]. Available at: <http://www.polit.ru/research/2004/07/06/podoroga.html> (accessed 18.07.2020) (In Russ.)
8. Ryndin D. G. Merab Mamardashvili: Event of Thought and Pedagogic Practice. *Vysshiee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2019, no. 1 (28), pp. 104–118. (In Russ.)
9. Bart R. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Moscow, Progress Publ., 1989, 616 p. (In Russ.)
10. Derrida Zh. Structure, sign and play in the discourse of the human sciences. *Sovremennaya literaturnaya teoriya. Antologiya* [Modern literary theory. Anthology]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2004, pp. 46–68. (In Russ.)
11. Derrida Zh. *Pis'mo i razlichie* [Writing and distinction]. Saint-Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2000, 432 p. (In Russ.)
12. Kristeva Yu. Destruction of poetics. *M. M. Bahtin: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo M. M. Bahtina v ocenke russkoj i mirovoj gumanitarnoj mysli* [M. M. Bakhtin: pro et contra. The personality and work of M. M. Bakhtin in the assessment of Russian and world humanitarian thought]. Saint-Petersburg, RKhGI, 2001, vol. I, pp. 7–32. (In Russ.)
13. Bahtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1963, 234 p. (In Russ.)
14. Kristeva Yu. Bakhtin, word, dialogue and novel. *M. M. Bahtin: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo M. M. Bahtina v ocenke russkoj i mirovoj gumanitarnoj mysli* [M. M. Bakhtin: pro et contra. The personality and work of M. M. Bakhtin in the assessment of Russian and world humanitarian thought]. Saint-Petersburg, RKhGI, 2002, vol. II, pp. 213–243. (In Russ.)
15. Mamardashvili, M. K. *Psikhologicheskaya topologiya puti. M. Prust «V poiskakh utrachennogo vremeni»* [Psychological Topology of the Path. M. Proust "In Search of Lost Time"]. Saint-Petersburg, RKhGI, 1997, 571 p. (In Russ.)
16. Mamardashvili M. K. *Lekci po antichnoj filosofii* [Lectures on ancient philosophy]. Moscow, Agraf Publ., 1999, 320 p. (In Russ.)